

Сергей Милушкин



МАЙНЕРЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М60

Серия «Мастера криминальной прозы»
Серийное оформление *Юлии Межовой*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Милушкин, Сергей Александрович
М60 Майнеры / Сергей Милушкин. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 541, (1) с. (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-114952-9

В подвале московской школы учитель математики вместе с учеником 11-го класса организуют нелегальную ферму по добыче криптовалюты. Некоторое время бизнес удастся держать в секрете, но вскоре окружающие начинают их подозревать. Директор школы, одноклассники, энергонадзор, полиция, криминал. У компаньонов возникают серьезные проблемы. Под угрозой не только проект, но и жизни его участников.

© Сергей Милушкин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается моей дорогой маме,
Милушкиной Нине, чье терпение и мудрость
помогли мне не сбиться с пути

ГЛАВА 1

Москва, март 2011 г.

Прозвенел школьный звонок. Его оглушительного дребезга Дмитрий Ларин всегда пугался, ему казалось, где-то рядом сработала сигнализация, предупреждающая об опасности или, что еще хуже, — взломе: нужно срочно, во что бы то ни стало, искать убежище или прятаться от группы быстрого реагирования, которая не будет разбираться, кто преступник, а кто мимо проходил. Старый звонок висел прямо над дверью кабинета математики на втором этаже столичной средней школы. Из его корпуса торчали перекрученные и запачканные побелкой провода.

Он вздрогнул, не успев закончить фразу, чем же так важен консенсус для принятия значимых решений в условиях неопределенности и какое это имеет отношение к математике. Обычно дальше он рассказывал про византийского полководца Велизария, его роковое сражение, в котором тот проиграл небольшому отряду готов, доверившись чутью, а не фактам. Ларин считал, подобные исторические экскурсии, во-первых, дают передышку ученикам, а во-вторых, показывают, что математика — неизмеримо шире, чем принято думать, и имеет приложение практически во всех отраслях человеческих знаний.

Пронзительный лязг сбил Дмитрия с мысли. В который раз он подумал, что звонок нужно поменять, даже если придется это сделать за собственные деньги.

— Урок окончен, — сказал он, глядя в класс красными от недосыпания глазами. — На следующее занятие выучить нахождение суммы убывающей геометрической прогрессии...

Его уже никто не слышал. Сорвавшись с мест, ученики одиннадцатого «Б» ринулись к выходу, сбивая друг друга с ног, расталкивая парты, опрокидывая стулья и громко гогоча. Прямо на ходу добрая половина класса доставала сигареты, абсолютно не стесняясь преподавателя. Отдельные «одаренные личности» могли закурить прямо здесь, но все же до крайностей на его уроках доходило редко, хотя душок порой стоял как в пивном баре «Жигули» за углом.

И что с того, подумал Дмитрий. Никому из них математиком не быть, профессия не самая, мягко говоря, выгодная и популярная. Даже те, кто планирует стать программистами, искренне недоумевают, зачем нужна математика, — все эти косинусы, прогрессии, мудреные логарифмы, не говоря уже об интегралах.

— Дмитрий Сергеевич, сигареткой угостить? — Он услышал голос над ухом и повернулся в сторону говорящего. Это был Денис Скоков, последний человек из 11 «Б», кого хотелось бы видеть сейчас перед собой.

— Не курю, — сказал он, продолжая делать пометки в журнале.

— Почему так? Болеете или мама не разрешает?

К ученикам запрещено применять физическую силу под страхом увольнения и Уголовного кодекса. Но развязного, наглого Скокова стоило немного приструнить, бог свидетель, — в подростковом возрасте ум за разум заходит от гормонов и безнаказанности, человек теряет ориентиры и впотьмах творит черт знает что.

Ларин приподнялся на стуле. В следующем году ему исполнится тридцать пять, он женат, один ребенок, небольшое брюшко не портит его фигуру, и дать затрепщину прыщавому самодовольному Скокову, пожалуй, будет даже приятно. Нет, это будет истинный праздник!

Но он этого не сделает. Потому что... боится. Боится разнuzданных непредсказуемых учеников, боится сорваться, и они, как шакалы, чувствуя страх, постоянно провоцируют его. Он боится лишиться места, хотя прекрасно знает, что замены ему нет, на нищенскую зарплату математика никто не пойдет. Тем более во втором полугодии.

Скоков отпрянул, смахнув со стола стопку тонких ученических тетрадей. Они разлетелись между ними, шелестя исписанными страницами, словно стая испуганных птиц, и тут же осели — у ног, под партами, меж сдвинутых стульев.

— Э-э, осторожнее, папаша, я ведь и сдачи могу...

— Не можешь, — еле слышно сказал Ларин, выбираясь из-за стола.

— Черт! — выпалил Скоков. — Большой придурок! — не теряя времени, он рванул к двери.

— Уродец! — крикнул ему вслед Ларин. — Беги, беги, всю жизнь бегать будешь! Козел! — он вернулся на свое место. Тетради лежали перед ним кривым шахматным ковром, на одной из них отпечатался темно-серый след от кроссовки ученика.

Скоков по кличке Скок вряд ли слышал его слова (тем более мысли), он уже бежал по ступенькам школы, расталкивая малолеток, цепляя девчонок за расфуфыренные блузки. Приятное, будоражащее покальвание адреналина наполняло его сверху донизу. В кармане лежала новенькая купюра в пятьсот рублей, выданная тетей на расходы.

Родители мальчика погибли, когда ему стукнуло шесть лет: тетя сказала — их атаковала акула во время

погружения с аквалангами возле Мадагаскара. В тот несчастливый год семнадцать человек лишились жизни по вине акул из-за беспечности и невнимательности: вероятно, эти далеко не самые лучшие человеческие качества, позволившие угодить его родителям в зубастую пасть, перешли по наследству к младшему Скокову.

— Эй, Скок, есть что курить? — Длинная рука попыталась остановить его за локоть, Марк Остерман из параллельного класса, высокий, долговязый сын директора ювелирного бутика, показывал знаками, что не прочь затянуться. Он жутко боялся гнева отца, помешанного на здоровом образе жизни, и не покупал сигареты, предпочитая стрелять их в школе у более раскрепощенных одноклассников. После уроков Марк съедал пачку ледяного «Холлса», заедая тремя пучками свежей петрушки. Но вонь от гривы волос до плеч выдавала его с поличным. Марк кивал на одноклассников: мол, все курят, поэтому от меня и тянет никотином, и отец ему верил. Или делал вид.

— Самому надо,— крикнул Скоков и побежал на выход, к заднему двору школы, где за пожарной лестницей, спускавшейся ярусами с пятого на первый этаж, размещался грузовой пандус школьной столовой.

«Короткая перемена, — думал он, — не успею покурить из-за этих идиотов. А какой следующий урок? Русский? Кажется, физра. Можно не спешить».

Издали махнул рукой Валерик, Валерий Павлович, учитель физкультуры, бывший баскетболист. Кажется, он играл в ЦСКА, по крайней мере, так говорит. Ушел по здоровью, что-то с сердцем, хотя Денис частенько заставлял его в тренерской, прячущего бутылочку коньяка в дальний ящик стола. Валерика лучше не бесить. Это не Ларин — чуть что, может и под дых, типа в шутку. Пожалуйешься, скажет — мячом прилетело. Свои же засмеют. То ли дело Ларин. Никакого достоинства. Круглый неудачник. В расцвете сил, когда мужики в его возрасте

разъезжают на «гелендвагенах», крутят штурвалы на дизайнерских яхтах, он работает школьным учителем. За зарплату в пятнадцать тысяч максимум. Как он живет? Скоков поежился, затынулся. Вот-вот прозвонит звонок.

Месяца полтора назад на новогодней дискотеке он познакомился с ребятами, которые предложили продавать травку в школе. Человек по кличке Архивариус заправлял мелкооптовой сетью, у него Скоков пару раз брал товар. С одной стороны, занятие опасное, но что еще может так привлекать, как не постоянный риск? Да, дело сомнительное, только... как еще заработать в пятнадцать лет? Родителей нет, в случае чего папаша не надерет задницу и не урежет недельный бюджет. Когда некого бояться — решения созревают сами собой, и он согласился.

Тетя? Что она сделает? Пропадает целыми днями в институте ядерной физики, чем занимается — неизвестно, главное, не капает на мозги и не забывает выдавать на расходы.

После гибели родителей он жил с тетей в трехкомнатной квартире-сталинке. Типичное жилье фанатика-ученого — максимум книг, минимум ремонта и прочих изысков. Денис с детства рассматривал корешки учебных талмудов в старинном шкафу. Помимо Жюль Верна, Стругацких, Ефремова, полки ломились под весом толстенных томов по электродинамике, физике, материаловедению и даже кибернетике Винера. От нечего делать он листал эти книги, начиная с первого класса, поначалу без особого интереса, разглядывая немногочисленные картинки, потом, научившись писать, он взял карандаш и пробовал что-то решать, по аналогии.

Втянулся, и ему даже стало нравиться: физические, математические задачи, термодинамика, теория игр, алгоритмы. Словом, все, что он находил в шкафу, медленно пробовал «на зуб». Тем не менее в школе он показывал неизменно плохие результаты. Тетя не

ругала его, списывая низкую успеваемость на последствия психологической травмы от потери родителей. То же самое делали и учителя, чтобы не забивать себе голову. В итоге он понял — задачки, дающиеся так легко, для жизни не имеют никакого значения.

Они не наполняют кошелек, ими не развеселишь девушек, и, глядя на Ларина, он еще больше удостоверился в собственной правоте. Учитель математики ходил в единственном костюме отечественного производства, мешковатом и несуразном, писал обыкновенной шариковой ручкой, и единственной ценной вещью, которой очень дорожил, был новый iPhone 4. Понятное дело, сам себе такой телефон он никогда бы не позволил, значит — подарок.

Скоков представлял, как может выглядеть жена Ларина, и ему становилось любопытно: ни одна красивая девушка не захотела бы жить в нищете. Поэтому к четырнадцати годам он забросил гениальные задатки (о которых, впрочем, думал как о самых заурядных) на верхнюю полку серванта вместе с задачником по квантовой электродинамике. К чему все это? Дурость.

Никто в классе понятия не имел, что школьные уроки, домашние задания, такие страшные предметы, как физика, химия, тригонометрия, для него не представляли интереса ввиду простоты. Он не понимал, зачем такую ерунду нужно учить, если все решения виделись как на ладони. Тем труднее делать все шиворот-навыворот, решать примеры с кучей ошибок, иногда и во все притворяться умственно недоразвитым. Последнее у него получалось все лучше и лучше, иной раз Денис ловил себя на мысли, что шутовство и есть его настоящее, истинное лицо.

Тем не менее один раз он прокололся, причем довольно серьезно. Анна Евгеньевна, учитель физики — рассеянная медлительная дама, нараспев объясняющая уравнение Эйнштейна для фотоэффекта, — она бы

ничего не заметила. Однако он имел неосторожность поднять бумажку, выпавшую из бокового кармана пиджака Ларина, когда тот выходил из класса по окончании урока.

Зачем он это сделал? Чистое любопытство, конечно же. Скоков замер, глядя, как листок кружась залетел под парту. Тем временем Ларин, не заметив пропажи, ушел.

Читать чужие письма некрасиво, но черт возьми, что упало, то пропало! Особенно у Ларина. Развернув ее, он увидел формулу уменьшающейся геометрической прогрессии с несколькими неизвестными параметрами. Внизу проведена черта и знак вопроса.

Ничего сложного, детская задача, подумал Скоков. Рука потянулась к мелу, на доске стали появляться математические выкладки. Он писал быстро, мел поскрипывал, крошился, но процесс, как хорошая книга, затянул его, он видел несколько вариантов, и все они — черт возьми! — имели право на жизнь и были одно другого красивее. Кто знает цену красивому решению, тот познал гармонию мира.

Он действовал, скорее, под влиянием импульса, как, например, композитор, который набрасывает ноты, услышав интересную мелодию, или писатель двумя-тремя словами описывает лицо незнакомки, мельком увиденной в окошке проезжающей мимо автомашины.

После знака равенства Скоков поставил число 21 и добавил шесть нулей, потом продолжил решение, указав, что, исходя из задания, прогрессия может иметь дополнительную реализацию на протяжении отрезка в 132 единицы, и окончание прогрессии, чего бы она ни означала, будет заканчиваться в точке 2140. Заинтригованный, он переводил взгляд со смятого листка на доску.

Удовлетворившись решением, Скоков кивнул самому себе, в странном забытии положил листок на парту и отправился курить. Затягиваясь, перед собой он продол-

жал видеть зеленую доску и неровный ряд цифр, складывающихся в гармонический ряд. Когда же молния озарения вспыхнула в голове, он вспомнил, что забыл стереть с доски, кинулся обратно в класс, чуть ли не влетел в него, но перед дверью остановился как вкопанный.

Возле доски, скрестив руки на груди, стоял Ларин.

Он смотрел на осыпавшиеся цифры, выведенные мелом, и словно не верил глазам, переводя взгляд то на потрепанный листок, который теперь держал в руках, то обратно на доску.

Его губы шевелились, иногда он взмахивал кистью руки, как дирижер. Неслышная музыка звучала в его голове, и музыка, должно быть, крайне интересная. Скоков замер, боясь пошевелиться, он разглядывал учителя сквозь дверной проем. В контровом свете тот казался очарованным Мефистофелем.

Внезапно Ларин повернулся, и таинственный ореол сменился видом пойманного на месте преступления подростка. «Как бублик в магазине спер», — проскочило в голове у Скокова.

Посередине фойе, в паре метров от двери класса, среди гущи суетящейся малышни стоял Скоков с глупой улыбкой, в руках он сжимал мятую банку кока-колы, по стенке которой ползла коричневая капля.

Ларин покачал головой. Взяв тряпку, он с остервенением принялся вытирать доску, будто боялся, что кто-то подсмотрит записанное на ней решение. На цифре 21 он чуть задержался, но мгновение спустя затер ее с еще большим нажимом.

— Сейчас дырку протрешь, — услышал он голос Скокова и скривился от отвращения.

«Идиот, — подумал Ларин. — Боже, какие бараны. Имбецилы. И как с ними работать?»

Но ведь кто-то же написал это красивое решение, над которым он раздумывал уже месяц, причем за пять минут, пока Ларин отлучился в столовую.

«Интересно, кто? Может быть, Надя Овчинникова, завоевавшая под его руководством пару лет назад третье место на Московской математической олимпиаде? Только она гипотетически могла решить прогрессию. Хотя Ларин и в ней сильно сомневался. Последним из класса выходил Скоков, Ларин чувствовал давящее, неприятное ощущение от взгляда на затылке. Но этот, с позволения сказать, *Homo Erectus*¹ способен разве что на поглощение пищи. Говорят, последние эректусы вымерли при извержении гигантского вулкана Тоба около семидесяти пяти тысяч лет назад.

ГЛАВА 2

Проводив взглядом усмехающегося ученика, Ларин сел заполнять класный журнал. Уроки закончились, вторая половина дня оставалась свободной, хотя для него это не означало ничего хорошего: он потерял источник дополнительного заработка, являвшийся причиной постоянного недосыпания.

До сегодняшнего дня, вместо того, чтобы идти домой и проверять домашние задания, он два раза в неделю ездил на другой конец города сторожить склад бытовой химии, тетрадки брал с собой. Дежурил с шести вечера до шести утра, иногда после школы успевал заскочить домой перекусить, а потом два часа добирался до склада. Торговля прекращалась в девять вечера, к ночи от едкой химической пыли у него начинали слезиться глаза, он чихал, в носу болело, а легкие словно наполнялись наждачным порошком.

Раз в неделю, ближе к ночи, на склад подъезжали неприметные серые грузовички, молчаливые люди в

¹*Эректус* (лат. *Homo Erectus*), или человек выпрямленный, человек прямоходящий.

черной униформе с надписями «ЧОП Легенд» сгружали мешки, он не заносил их в ведомость поступления — так распорядился директор. Неучтенка? Конфискат? Контрабанда? А может быть, наркотики.

За ночное дежурство он получал в три раза больше, чем ему платили в школе за уроки математики, но в последние недели обстановка накалилась. Вечерами, глядя из будки, пристроенной к основному корпусу склада, ему казалось, что с едва освещенного шоссе за ним неотрывно наблюдает человек, сидящий в темной машине. На ночь стальные ворота склада закрывались, и хотя периметр охранял еще один охранник, вооруженный травматическим оружием, никакого спокойствия Ларин не испытывал. Сидя в будке, он видел сквозь щель в воротах тлеющий кончик сигареты наблюдателя.

По какой-то причине склад не подключали к охранной сигнализации, вероятно, периодические ночные включения-выключения могли навести полицию на неправильные мысли. Кому может потребоваться стиральный порошок после полуночи?

Несколько дней он наблюдал за автомобилем, потом поделился с напарником.

— Дрозд, — у парня была птичья фамилия, — ты не обратил внимания, что за воротами который день паркуется бежевый «опель»? Кажется, за нами наблюдают.

— Мало ли кто там стоит, нам что? Кому мы нужны с этим порошком? — Дрозд выглянул на улицу, «опель» куда-то исчез. — Нет никого.

— Только что стоял. Чуть позже приедет, вот увидишь.

В два часа ночи наблюдатель вновь появился, как и предсказал Ларин. Он доложил об этом директору, в результате ночью груз не пришел, зато позже случилась небольшая перестрелка: машину окружили несколько парней, раздались глухие выстрелы, через секунду все

стихло. Хлопнули дверцы, и «опель», испустив протяжный рык коробки передач, уехал.

— Это премия,— сказал директор на следующий день и положил перед ним пачку денег.— За бдительность.

— А что случилось с тем парнем? — Ларин подумал, взял деньги. Оставаться на такой работе он больше не мог. Кто будет содержать семью, если друзья неосмотрительной жертвы из «опеля» вдруг захотят вернуться? А они наверняка захотят, ведь в мешках, которые таскают плотные парни по ночам,— явно не мука и не сахар. Что-то, имеющее гораздо большую цену, раз кому-то не спалось в обнимку с подругой. Никто не будет следить за передвижениями мешков с мукой, даже если это мука высшего сорта.

— Ты хороший парень,— сказал директор, ухоженный мужчина в очках, рассматривая отполированные ногти.— Не пьешь, не куришь... Вот и продолжай в том же духе.— Он пропустил вопрос мимо ушей.

— Извините.— Ларин нащупал рукой пачку денег в кармане куртки.— На следующее дежурство я не выйду. Директор приподнял очки.

— Как это не выйдешь? Почему? — Кажется, он удивился, более того, у Ларина проскочила мысль, что он сейчас потребует деньги назад и это могло нанести катастрофический урон.

— Дело такое... жена вот-вот родит, поэтому никак. Извините, но некоторое время не смогу...

Ларин думал, что больше никогда сюда не вернется. Директор, услышав ответ, как будто даже расслабился.

— А-а, жена... ну это дело важное, конечно. Нет вопросов, сразу бы сказал, а то я уж подумал...

Что он подумал? — Дмитрий отвел глаза.

— Мало ли, сам понимаешь. Ночью довозят товар, конкуренты не дремлют. Этот парень... что ты заметил, он больше не будет мешать работать.

— Но с ним все нормально? — спросил Дмитрий. Он испытывал отвращение к директору конторы по фамилии Голиков, с толстых влажных губ которого не сползала улыбка. «Чем же он торгует на самом деле?» — думал Ларин, глядя в его черные бегающие глазки-бусинки.

— Ну конечно! — сказал директор, широко улыбаясь. Так широко, что Дмитрий на шаг отошел, опасаясь, как бы брызги слюны директора не попали ему в лицо.

Слева на стене кабинета висел календарь с обнаженной красоткой, справа на этажерке из необработанного дерева стояли образцы продукции — порошки в пакетах, банках, тюбиках и даже круглых капсулах.

— Это просто бизнес, его нужно защищать от всяких прохиндеев. Они, наверное, хотели узнать наш складской оборот. Нехорошо...

Дмитрий кивнул. Конечно, складской оборот. Как он сразу не догадался. Теперь парень подсчитывает оборот ангелов на небесах или если не слишком усердно молился, то, возможно, и чертей в противоположной комнате вечного отдыха.

— Ни о чем не беспокойся, — сказал директор, вытирая ладонью вспотевший лоб. — Если вдруг... кто-то тебя спросит... мало ли кто, ты просто сидел и принимал товар, как обычно. Никого и ничего не видел.

— Но товар никто не привозил вчера.

— Да... Конечно, — спохватился директор. — Значит, просто сидел и охранял.

— Сидел и охранял, — повторил Ларин.

— Молодец. Все верно. Запомнил?

Ларин кивнул.

— Все, свободен. Позвони, как жена родит. Я скажу, когда на работу.

— Конечно, Михаил Сергеевич. Я позвоню. — Ларин толкнул черную дверь с круглой мишенью для дротиков в самом центре и вышел.

Сидя в кабинете, он смотрел в прозрачное окно — по подоконнику брэнчала весенняя капель, птицы наперебой захлебывались трелями. У дальнего торца школы со стороны столовой разгружалась машина, грузчик с сигаретой в зубах таскал белые тюки с черными буквами «Мука».

Все что-то таскают, думал он. Зарабатывают. Но это не касается школьных учителей. Ты можешь быть семи пядей во лбу — но когда детская коляска стоит как твоя месячная зарплата... Ты будешь ходить и выбирать *самую дешевую*. Но так, чтобы никто об этом не догадался. Продавцу скажешь небрежно: «Через три месяца вырастет, опять покупать новую, так зачем брать самую дорогую...» И продавец кивнет головой, потому что и сам в похожей ситуации. Но в голове его проскользнет совсем другая мысль, а именно: «Еще один доходяга — не может заработать на нормальную коляску для ребенка».

Около пандуса Ларин заметил курящего Скокова. Самодовольный, расслабленный вид ученика показывал, что более приятного занятия, чем курить сигарету в тепле весеннего солнышка, не существует. Ларин поймал себя на мысли, что невольно завидует ему, беззаботной юности, возможности вот так просто стоять и курить, когда тебе хочется и что хочется, никто и слова не скажет.

В свободные часы Ларин давал частные уроки, репетировал, подтягивал отстающих, готовил к поступлению. Теперь количество уроков придется удвоить. Буквально со дня на день жена должна родить, потребуются деньги, кровать, коляска, пеленки, питание, фрукты, а еще врачам что-то нужно...

Он взял чистый лист бумаги и принялся набрасывать примерный список ближайших покупок, проставляя в правой колонке стоимость. Добравшись до конца листа, Ларин вздохнул.